

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-4.1-172-190

УДК. 316.7

КТО ТАКИЕ «ЕВРЕЙЦЫ», ИЛИ ОПЫТ КУЛЬТУРНОГО СИНТЕЗА НА АМУРЕ

Бляхер Леонид Ефимович,

*доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии*

*Тихоокеанского государственного университета,
Россия, 680036, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 36
leonid743342@mail.ru*

Аннотация

Статья посвящена анализу культурного синтеза, возникшего в Еврейской автономной области. В качестве культур – участников этого синтеза – выступают культуры приамурского крестьянства и еврейских переселенцев 20-х – 30-х гг. XX века. Первая формируется в последние десятилетия XIX столетия в условиях массового переселения крестьянства на приамурские земли. Огромный объем льгот, относительная слабость власти на восточной окраине Российской империи привели к складыванию уникального сообщества, основанного на принципах самоорганизации и дистанцирующегося от любой власти. Но это сообщество было разрушено в ходе советизации и подавления антибольшевистских восстаний. В результате репрессий и бегства крестьян в Китай регион оказался «пустым», а в синтезе участвовал «реликт» сообщества, воспроизводящий наиболее архаические и устойчивые социальные и хозяйственные практики (установка на автаркию, взаимоподдержка, эгалитаризм, сетевые принципы взаимодействия в социальном плане и охота, рыболовство и собирательство в плане самообеспечения). Переселение евреев из бывшей «черты оседлости» для советской власти имело вполне утилитарный смысл: снижение перенаселенности в западных губерниях, заселение «пустого» Дальнего Востока. В качестве дополнительного смысла переселения «трудящихся евреев» выступала необходимость отрыва бывшего жителя «черны оседлости» от общины, основанной на религиозной общности. В результате был осуществлен проект создания новой еврейской культуры – «национальной по форме и социалистической по содержанию». При этом внутренние связи и хозяйственные практики новых переселенцев формировались под сильнейшим влиянием местного крестьянства. В результате складывается структура, где еврейская составляющая выступает формой организации коммуникации с внешним окружением, а крестьянская – способом организации хозяйства и внутренней коммуникации.

Ключевые слова: культурный синтез, хозяйственные практики, оружие слабых, дистанцирование, еврейская культура, крестьянская культура.

Библиографическое описание для цитирования:

Бляхер Л.Е. Кто такие «еврейцы», или опыт культурного синтеза на Амуре // Идеи и идеалы. – 2018. – № 4, т. 1. – С. 172–190. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-4.1-172-190.

Еврейская автономная область (ЕАО) – самый маленький и один из самых бедных субъектов Российской Федерации, затерявшийся на просторах Дальнего Востока России, не вызывает сегодня особенно большого интереса ни в нашей стране, ни за ее пределами. Само существование ЕАО уже не раз ставилось под вопрос [26]. Как правило, при этом вспоминается, что численность титульной нации в области не превышает 1 % (1628 человек) [33], а число носителей языка и культуры и того меньше. Несколько больший интерес вызывает история области. Однако и в этих исследованиях при всей их фундаментальности главный акцент делался на проблеме взаимодействия власти (сталинизма) и еврейства [27].

Собственно социальные процессы, протекающие в области, оставались на периферии исследовательского внимания [25], рассматривались как частный случай истории евреев в России. И почти совсем лишена внимания исследователей за пределами области современная ситуация в ЕАО. Причина достаточно очевидна: маленькая территория с небольшим (менее 200 тысяч человек) и постоянно сокращающимся населением и депрессивной экономикой интереса не вызывала.

Вместе с тем на этой небольшой территории произошел уникальный культурный синтез, породивший социальный организм, отличный от прародительских культур и одновременно сохраняющий их существенные характеристики. В одном из интервью, взятом в 2009 г. автором в рамках работы над проектом «Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков» (руководитель В.И. Дятлов), респондент отметил: «Здесь на самом деле почти нет евреев. Мы не евреи. Мы – еврейцы. Такая новая историческая общность». Кто такие еврейцы, как они возникли, чем отличаются от евреев или жителей соседних субъектов Дальневосточного федерального округа, мы и попытаемся выяснить в настоящей статье.

Предыстория: крестьяне на Амуре

Одним из очевидных субстратов, участвующих в культурном синтезе в междуречье Биры и Биджана, было крестьянское сообщество, сложившееся в конце XIX столетия. Мне уже приходилось описывать эту общину и ее развитие [1]. Воспроизведем наиболее важные для нашей темы пере-

тии истории приамурского крестьянства. В начале 80-х гг. XIX века были приняты законы и положения, регулирующие процесс переселения крестьян в Приамурье. В них расширялся объем льгот, действовавший еще с 1860-х гг. К освобождению от налогов и рекрутской (позже воинской) повинности, наделению землей до 100 десятин на семью добавлялась финансовая помощь, обеспечение продуктами и семенным фондом до нового урожая и т. д. [24, с. 47].

Но реальная ситуация оказалась совсем не такой радужной. Не хватало денег и продуктов, землемеров для межевания участков и многого другого. Прибывшие сюда крестьяне в силу неготовности и неспособности местных властей предоставить оговоренные в законе о переселении блага вынуждены были (получили возможность) самостоятельно организовывать свою жизнь [1]. Законы о переселении и предоставляемые по ним льготы составляли основу для организации легитимной коммуникации с властью. Это была своего рода защитная оболочка, позволяющая переселенцам организовывать жизнь «внутри» по своим правилам. Невозможность предоставления льгот местными властями (нехватка ресурсов, специалистов и т. д.) становилась средством давления на власть, решившую вмешаться во внутреннюю жизнь общины. Крестьяне-переселенцы, особенно на начальном этапе, захватывали земли столько, «сколько могут обработать и в запас» [Там же, с. 112], из своей среды выбирали «полицейских» (штатных полицейских не хватало). Совместно они закупали сельскохозяйственную технику (практически в каждом хозяйстве имелись механические приспособления), минимизировали издержки при контакте с формальной властью в регионе, сами защищали свои земли от нападения бандитов [30, с. 56–57].

Среди крестьянства в регионе преобладали две группы: в Приморье – выходцы из украинских губерний, прибывающие кораблями Доброфлота из Одессы, а в Приамурье – староверы, переселяющиеся не столько из европейской части страны, сколько из Сибири. Именно староверы были наиболее состоятельной частью переселенцев в исследуемом районе. Здесь дистанцированность от «мирской власти» обладала для крестьян еще и религиозной санкцией. Абсолютно безразличны крестьянам были те благие цели, которые власть при этом преследовала. Так, деревни старожилов (переселенцев до 1901 г.) Амурской области полностью саботировали распоряжение генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера об организации в их деревнях фельдшерских пунктов и медицинском обследовании населения [18, с. 386–388].

Создавалась достаточно эффективная структура: внешняя оболочка (законы и положения о переселенцах) создавала форму коммуникации общины и власти, а неформальные практики и обычное право составляли содержание этой коммуникации. Об эффективности этой системы говорит не только состоятельность крестьянства региона («бедняки»

здесь обладали вдвое большим наделом пахотной земли, чем «средняки» западных губерний, да и самих «бедняков» было немного [18, с. 342]). Не менее показательны в этом плане и урожайность, сравнимая с урожайностью Кубани, и доходы от производства товарного зерна, сопоставимые с доходами от золотодобычи. Для решения собственных задач власти приходилось не «давить» на деревню, а договариваться с ней. Так, наличие у крестьян вооружения было использовано властью для борьбы с бандами в Приамурье. Отряды самообороны имелись практически в каждой деревне [24, с. 114–116].

При возникновении спорных ситуаций крестьяне чаще всего не шли на открытый конфликт, но использовали классическое «оружие слабых» [37] – саботаж, уходя на новые земли. Это особенно явно проявлялось в период Первой мировой и Гражданской войн. Уже в начале XX века попытка призвать крестьян-переселенцев на военную службу привела к массовой миграции общин на новые земли. Призыв был сорван. Столь же неуспешно прошла и мобилизация в период Первой мировой войны [17]. Значительная часть потенциальных новобранцев перебралась на новые места или просто ушла в лес. Их место заняли сезонные рабочие из Китая.

С 1915 г. началась принудительная закупка продовольствия по «твердым ценам». Деревня ответила резким сокращением товарного производства и переходом на режим самообеспечения. Власти стали реквизировать лошадей для нужд армии – крестьяне просто перестали держать лошадей, используя в качестве тягловой силы быков. При этом резко возросло поголовье свиней, интенсифицировалось огородничество, выращивание картофеля, иными словами, той продукции, которая идеально работала на самообеспечение, но мало интересовала казну и военное интендантство.

Крестьянство на Амуре защищалось вполне эффективно, тем более что после развала фронта и фактического блокирования Транссиба потоком военных грузов, идущих из Владивостока, контроль над территорией со стороны любого «центрального» правительства стал почти номинальным. Однако здесь возникла «трещина», впоследствии оказавшая роковое влияние на ситуацию. Постепенно размывалась и исчезала легитимная основа для коммуникации. Новые законы постепенно сокращали и отменяли привилегии приамурских крестьян. Соответственно, власть получила возможность «законно» усиливать давление на сельскую общину. Но с точки зрения самой общины власть тем самым лишалась легитимности, как и все издаваемые ею законы.

Революционные события в Петрограде не особенно сказались на жизни крестьян Приамурья – хватало своей неразберихи [15, 23, 35]. В ноябре 1918 г. титул Верховного правителя России принял адмирал А.В. Колчак [34]. Объявленная им очередная мобилизация стала последней каплей, переполни-

шей чашу терпения крестьян, которые начали уходить в тайгу. На свет родились приамурские партизаны. Понимая тщетность попыток привлечения Восточной окраины к «священной борьбе», прибывший в 1919 г. в Приамурье представитель Верховного правителя генерал Сергей Розанов решил сделать ставку на казаков, легализовав сложившиеся к тому времени «атаманские» режимы [23]. Но «атаманские режимы», как и все их предшественники, очень скоро начали нуждаться в продовольствии и пополнении рядов. Реквизиция лошадей и продовольствия и мобилизация молодых людей в разнообразные «армии» вызвали взрыв. Отряды, направлявшиеся в деревню для пополнения запасов продовольствия, уничтожались местными отрядами самообороны – для крестьян они мало чем отличались от обычных бандитов. Ответом становились расстрелы. Маховик ненависти продолжал раскручиваться, и уход в партизанские отряды принял массовый характер [29].

Понятно, что эти отряды тоже вели себя не по-джентльменски. Нападения на железную дорогу, которую охраняли японские войска, ограбления поездов, попытка штурма Уссурийска и уничтожение города Николаевска-на-Амуре вместе со всей японской общиной, проживающей там, привели к столкновениям партизанских отрядов с регулярной японской армией. Японская армия, как и отряды атаманов, испытывала все бóльшие сложности. Нараставшая нехватка продовольствия (приамурское крестьянство полностью отвернулось от атаманов, остатков армии Колчака и иностранных войск), постоянные нападения партизан на японских военнослужащих создавали столь серьезные проблемы, что после переговоров с советским правительством японское командование приняло решение о выводе войск.

О Дальневосточной республике (ДВР) в советской историографии было принято писать в уничижительном ключе («Довольно веселая республика»). Но сама возможность существования ДВР была отвоевана партизанскими отрядами, главную силу в которых составляли крестьяне. ДВР была создана не только потому, что Советской России требовался «буфер», который позволил бы избежать вооруженного столкновения с Японией. И даже не потому, что необходимо было перебрасывать войска на запад (война с Польшей). Была еще одна, не менее значимая причина – регион контролировали люди, по поводу советскости которых в правительстве большевиков не обольщались. Показательно, что в ходе выборов в ДВР большевики получили почти в два раза меньше мандатов, чем делегаты от крестьян [16, с. 79–81]. А силовой и административный контроль над регионом был в тот момент трудноосуществим. ДВР выступала в качестве «внешней оболочки», позволяющей организовать коммуникацию между местным сообществом и внешним окружением, включая Советскую Россию (СССР). Только после завершения Гражданской войны в регионе стали концентрироваться войска Красной армии, работники ЧК, партийные администраторы и другие агенты влияния. Наконец, в 1922 г.

советское правительство сочло, что уже не нуждается в «буфере», и в середине ноября 1922 г. ДВР прекратила свое существование [16, с. 98].

К 1924 г. на приамурское крестьянство, да и на всю территорию ДВР были распространены общие правила, действовавшие в РСФСР. Для крестьянских хозяйств устанавливались «разряды», исходя из которых рассчитывалось налогообложение (чем крепче хозяйство, тем выше ставка). Были введены хлебная монополия и «твердые цены» на хлеб, национализированы мельницы и зернохранилища. Крестьяне, совсем недавно бывшие победоносными приамурскими партизанами, возмущались, пытались как-то «договориться» с местной властью. Но к тому времени исчезает сама основа для переговоров. Доведенные до отчаяния поборами со стороны властей, бывшие приамурские партизаны подняли восстание [28].

Восставшие контролировали около трети территории Амурской области. Но, в отличие от японских и американских интервентов, советская власть «на идеологии не экономила» и с издержками не считалась. На подавление восстания были брошены регулярные войска с артиллерией, бронепоездами и авиацией, и в январе 1925 г. основные силы восставших были разбиты, хотя сопротивление отдельных отрядов продолжалось до начала 1930-х гг. После этого главной формой протеста стало бегство. Точное число крестьян, которые пересекли Амур, назвать трудно. Но если в 1923 г. население Дальневосточного края составляло более полутора миллионов человек, то по переписи 1926 г. зафиксировано чуть более миллиона. И это при том, что на Дальний Восток продолжали прибывать войска и советские чиновники [20].

В результате всех этих событий советское государство и получило «пустой» Дальний Восток, «землю без народа». Преобладавшее в регионе крестьянское население частично было уничтожено, частично бежало. Оставшиеся формально были объединены в коллективные хозяйства, но в реальности воспроизводили наиболее архаические практики (охота, сбор дикоросов, рыбная ловля), которые и обеспечивали выживание¹. В отсутствие сколько-нибудь легального основания для переговоров с властью немногочисленные остатки приамурских земледельцев превращались в социальных «невидимок» [2].

Но отсутствие населения в условиях сложной международной обстановки рассматривалось советским руководством как угроза [32]. Возникают проекты нового заселения Дальнего Востока. Одним из них и стал проект «переселения трудящихся евреев», позволявший, по мнению советских руководителей, решить сразу две проблемы: заселить Приамурье и «разгрузить» бывшую черту оседлости, где голод и безработица приводили ко все более усиливающемуся недовольству. Здесь и появляется второй элемент синтеза – евреи. Еврейскую часть истории мы и рассмотрим ниже.

¹ Подобный тип хозяйства на Дальнем Востоке описан Иваном Багряным в романе «Тигроловы».

Земля без народа – народу без земли

Перенаселенность черты оседлости и крайне низкий уровень жизни в ней вместе с дискриминационной политикой и погромами были катализаторами революционных настроений в еврейских местечках [10], сделавших многих из их обитателей «пламенными революционерами». Но активное участие еврейского населения в революционных событиях и Гражданской войне не привело к расцвету черты оседлости. «От революции в большинстве своем евреи даже проиграли, а не выиграли... Пятнадцать-двадцать процентов улучшили свое положение после революции, тридцать процентов осталось в том же положении и у пятидесяти процентов положение ухудшилось... Еврейское население в местечках вымирает, молодежь уходит в контрабанду, где находит себе выход человек, ни к чему не приспособленный» [13, с. 8]. Причина такого положения дел была достаточно очевидна. В условиях внешнего давления «социальную политику» (общинную благотворительность) и основные хозяйственные практики организовывали «национальная буржуазия» и раввины, т. е. те самые группы, которые искоренялись в ходе Гражданской войны. Именно на них лежала ответственность за контакты с властью, именно они выступали «внешней оболочкой», дающей возможность общине существовать «внутри» по своим правилам. Но против них и была направлена карательная политика советской власти. В ходе революции и Гражданской войны эта «защитная оболочка» оказалась уничтоженной. Попытки использовать в этом качестве советское начальство из бывших членов общины к успеху не привели. У коммуникации между членами еврейской общины и «советскими евреями» не оказывалось посредника. В результате резко снижается уровень взаимопомощи, возрастает бедность.

Но и у остальной страны причин радоваться наступлению «царства свободы» находилось всё меньше. Ненависть и раздражение направлялись на выходцев из черты оседлости, вознесенных революцией к вершинам власти, которую идеологи Белого движения прямо называли «еврейской». В период военного коммунизма и в последующие годы резко возрастает число погромов. Чтобы несколько снизить накал страстей, в 1923 г. после XII съезда РКП(б) была начата кампания по «очищению» партийных и советских органов от евреев. По свидетельству одного из партийных деятелей, в будущем идеолога еврейской автономии Абрама Мережина, «усиленное снятие евреев с ответственных постов» шло по всему Советскому Союзу, «начиная сверху и кончая окружками» [21]. Причина проста: «засилье» евреев во властных структурах повышало действенность «контрреволюционной пропаганды» и усиливало антисемитские настроения, выливавшиеся в погромы. По мнению краеведа И.С. Бренера [3], более миллиона евреев в бывшей черте оседлости в результате погромов покинули свои дома, стали беженцами именно в советский период. Все это еще

больше обостряло ситуацию в еврейских местечках, приводило к росту недовольства, господству «мелкобуржуазных настроений» в еврейской среде. Для решения этой проблемы возникает проект изменения хозяйственной основы жизни евреев. Если в дореволюционной России основным занятием жителей местечек было ремесло [12], то теперь предполагается сделать этой основой сельское хозяйство, земледелие. Тем самым предполагалось разрушить традиционную общину, где оставалось сильным религиозное и «буржуазное» влияние, создав новый тип «еврея-земледельца».

В 1924 г. при Центральном бюро евсекций (еврейских партийных организаций) был создан Комитет по земельному устройству трудящихся евреев (КомЗЕТ), главной задачей которого стало решение вопроса о предоставлении евреям земли. В течение 10 лет планировалось переселить «на землю» 100 тысяч семей (до миллиона человек) – примерно 20 % еврейского населения. Земля переселенцам-евреям должна была безвозмездно предоставляться в постоянное пользование, в качестве преференций им полагались льготы на переезд, освобождение от налогов и воинской повинности на первые три года, кредиты на постройку домов, приобретение инвентаря и т. п. Собственно, эти условия в несколько урезанном виде воспроизводили правила переселения в Приамурье в 80-х гг. XIX века. КомЗЕТ активно занялся организацией еврейских поселений и районов, вербовкой добровольцев и перевозкой их на новые места [19].

Однако имели место две сложности. Первая была связана с местом переселения. Проект переселения в Крым наталкивался на тот факт, что здесь уже существовали немецкие, украинские переселенческие общины и татарская автономия [22]. Новых переселенцев в этих краях никто не ждал. Отсюда и возник дальневосточный вариант, где после подавления крестьянских восстаний огромные массивы плодородной земли действительно стояли пустыми [28].

Но существовала и вторая, ничуть не менее острая проблема. Для переселения «трудящихся евреев» на Дальний Восток, наделения их необходимой техникой для строительства жилья нужны были немалые средства. В бюджете страны этих средств просто не было. Идея займа ни у евреев, ни за пределами еврейских общин поддержки не получила. Возник план получения за границей средств на переселение «трудящихся евреев» на Дальний Восток. Дело в том, что проект переселения евреев на «пустые земли», имеющий для Советского Союза вполне утилитарный смысл (заселение приграничных территорий, снижение социальной напряженности в бывшей черте оседлости), неожиданно совпал с замыслами европейских интеллектуалов по поводу решения «еврейского вопроса».

Еще со времен Первого сионистского конгресса (1897 г.), на котором Теодор Герцль выступил с программой создания еврейского государства,

еврейская тема, в том числе судьба российских евреев, активно обсуждалась в интеллектуальных кругах Европы. В те самые дни, когда в Петрограде революционные матросы устанавливали новую власть, в Англии была принята Декларация Бальфура, ставшая прологом к созданию еврейского государства в Палестине. Однако в качестве возможной территории для возрождения еврейской государственности рассматривалась не только Палестина. Известен, в частности, проект Мордехая Ноа, предлагавшего создать еврейский район близ Ниагарского водопада или в Аргентине. В Великобритании пропагандировался Угандийский проект, причем адресованный именно восточноевропейским евреям [31]. И хотя эти «экзотические» проекты были отвергнуты, обсуждение не прекращалось, далеко выходя за рамки мирового еврейства. Биробиджанский проект на этом фоне был куда более реальным, чем тот же Угандийский.

Однако потенциальные спонсоры не желали иметь дело с СССР, с которым существовали неурегулированные финансовые споры. Необходима была «нейтральная» организация, которая бы взяла на себя поиск средств на переселение. В 1925 г. создается Всесоюзное общество по земельному устройству трудящихся евреев (ОЗЕТ) [22], которое возглавил экономист и писатель Юрий Ларин (Михаил Лурье). В Центральный совет ОЗЕТа вошли многие партийные и советские деятели: Михаил Калинин, Леонид Красин, Георгий Чичерин, Максим Литвинов. Но «лицами» ОЗЕТа стали Владимир Маяковский, Соломон Михоэлс, Максим Горький и другие видные представители художественной элиты. Именно они должны были выступить в роли посредников между советским государством и зарубежными спонсорами. И если первоначально идея переселения в Биро-Биджанский район не встретила восторга не только у зарубежных спонсоров, но и у Ю. Ларина, то позже ситуация меняется.

Но для успеха проекта необходима была некая сверхидея. Само по себе переселение части российских евреев на Дальний Восток не могло вызвать необходимый общественный резонанс. Так возникает концепция «еврейской страны» на востоке СССР. В 1927 г. организуется исследовательская экспедиция с целью определения перспективности заселения Биро-Биджанского района [4]. Выводы экспедиции были положительными. Биро-Биджанский район действительно был «землей без народа»: на 4,5 млн гектаров свободных земель там приходилось менее 20 тыс. жителей.

28 марта 1928 г. Президиум ЦИК принимает решение о выделении «для нужд сплошного заселения трудящимися евреями» земель по Амуру. В бывших местечках черты оседлости работают сотни вербовщиков. Дальний Восток посещает делегация писателей, впоследствии воспевших будущий город на берегу Биры. Образуется Биро-Биджанский автономный район, позже преобразованный в Еврейскую автономную область. Начинается

массовая миграция. За период наиболее активной миграции (1928–1935 гг.) в Приамурье было переселено чуть менее 130 тыс. человек, из которых смогло закрепиться около 55 тыс., т. е. свыше 42 %, что существенно выше, чем в иных «волнах переселения» [14]. Вместе с переселенцами на средства, полученные ОЗЕТОм, прибывает техника, строятся дороги, новое жилье. Однако, как и в конце XIX века, местные власти оказались неготовыми к столь массовому приему переселенцев. По воспоминаниям переселенцев, они неделями ожидали направления на места, проедая подъемные [6]. Многие возвращались. Но большая часть оставалась. Их спасителями оказывались местные жители. Именно они обучали «трудящихся евреев» навыкам местной охоты и рыбалки, сбора дикоросов и технике сельскохозяйственных работ, почти неизвестной жителям штетлов [6].

Причина столь радушного приема и представляет особый интерес. Дело не только в том, что следом за очередной партией евреев, прибывавших в село, следовали сельскохозяйственная техника, зерно и многое другое. Гораздо важнее было то, что сам факт наличия евреев и признанного властью проекта «еврейской страны» создавал возможность договориться, вновь создать «защитный слой». Неслучайно наиболее успешным руководителем области оказался не хозяйственник, а недоучившийся студент-филолог Киевского университета и «красный профессор» И.И. Либберберг [3]. Его активность распространялась главным образом на строительство новой еврейской культуры, избавленной от «религиозного тумана», на кодификацию еврейских народных традиций, создание и пополнение библиотек и т. д. Но еще более значимым было создание основы для коммуникации между населением ЕАО и советской властью. Ведь «культура советских евреев» оказывалась одной из разновидностей советской культуры, создаваемой в тот период. Она была «национальной по форме и социалистической по содержанию», а значит, позволяла организовать коммуникацию с советской властью. В отличие от евреев в других частях СССР, всё более подпадавших под подозрение (вплоть до «дела врачей» и прочих антисемитских акций власти [19]), евреи в ЕАО были «одним из советских народов».

«Внутри» неформальные отношения, социальные связи строились в виде объединения практик местного крестьянства и еврейской общинности и семейственности [8]. Достаточно быстро начинают заключаться смешанные браки русских крестьян и еврейских переселенцев. Начинают сближаться не только хозяйственные, но и бытовые практики. Область богателя. Биробиджан, еще недавно бывший железнодорожной станцией Тихонькой, по уровню социального и культурного развития вполне соперничал со «столичным» Хабаровском [5].

Однако семилетний расцвет области достаточно резко и неожиданно оборвался. Активность областного руководства распространялась не только

на советское государство, но и на международные еврейские организации. «Еврейская страна» привлекала интерес зарубежных еврейских организаций и интеллектуалов. Собственно, это присутствовало изначально, но в начале 1930-х гг. стало приносить реальные плоды. Предполагалось выделение целевого (для ЕАО) займа размером 50 млн долларов [36]. Такая активность всё сильнее шла вразрез с установками советской власти. «Излишняя самостоятельность» областного руководства, по всей вероятности, и стала причиной уничтожения в 1936–1938 гг. практически всего состава партийных и хозяйственных руководителей ЕАО, а также поселков иностранцев. Массовые репрессии вызвали бегство евреев из области. Перепись 1939 г. обнаруживает здесь только 17 тыс. евреев [9] (правда, не учитывались смешанные семьи). Но суть не в той или иной численности, а в «размывании» защитного слоя. Собственно, это, как представляется, и вызвало массовое бегство населения из области.

Новое население, прибывшее на смену беглецам, хотя и не имело отношения ни к еврейству, ни к дореволюционному крестьянству Приамурья, вливалось в уже сложившуюся структуру. Сохранение национально-административной единицы (Еврейской автономной области) приводило к тому, что они вливались в советское национальное образование [7]. Сконструированная еврейская советская культура, встречаемая совершенно без восторга в любом другом регионе СССР, здесь оказывается «народной культурой», а евреи – этносословием, таким же как и другие этносословия страны. Причем права и статус еврейского этносословия в ЕАО достаточно серьезно отличались от статуса основной массы евреев СССР. Судя по мемуарной литературе [6], они приближались к правам иных этнических автономий РСФСР: этническое представительство в органах власти, наличие «местных кадров» среди руководства и интеллигенции, СМИ и учреждения культуры на национальном языке. Но поскольку местных кадров (с закрепленной в паспорте национальной принадлежностью) было не так много, они постепенно сменяются на просто «местных», уже без жесткой этнической привязки. Носителем особого («еврейского») статуса оказывается любой житель области. В этих условиях и формируются «еврейцы». Наличие титульной этничности выступает здесь основанием для диалога с начальством (до 1991 г. с Хабаровском, потом с Москвой), сильные семейные, дружеские и местнические связи создают устойчивость в кризисных ситуациях, выступают основой для выживания.

Но и после исчезновения советской власти, когда, казалось бы, смысла в сохранении советского конструкта уже не было, он выполнял достаточно значимую функцию. Само сохранение ЕАО в качестве субъекта Федерации (невозможное без статуса национальной автономии) было ресурсом. Это и возможность получения финансирования извне, и исполнение областным начальством функции защитного слоя для местного сообщества, сохраняющего установку на сетевые взаимодействия и автаркию.

В 2013 г. мною при поддержке фонда «Хамовники» были проведены 16 глубинных неформализованных интервью с жителями области. Тема местных связей, как основы деятельности, звучит почти у каждого респондента. В этом отношении показательна цитата из интервью: *«У нас все стараются, чтобы в дело соседей... привлекать. Рядом живут, знают друг про друга всё. Свои. Такие не кинут. Если что, наоборот, впишутся за друга. Мы не как в Хабаровске. Мы вместе все живем. Дело вместе, баня вместе, охота с соседями сподручнее»* (мужчина, 41 год, предприниматель).

Плотность социальных связей, незаметная и привычная для местного, наиболее ярко проявляется в интервью с приезжим: *«Знаете, какой первый вопрос здесь задают, когда на работу принимают или просто собираются общаться? Кого ты знаешь. Не что ты закончил, не какую должность занимаешь, а кого знаешь. Отсюда и отношение к тебе. Знаешь “серьезных людей”, тогда ты человек. Нет? Тогда – пустое место»* (женщина, 34 года, преподаватель университета).

Впрочем, у местных жителей тема «связей» тоже звучит постоянно. Подчеркивание близкого знакомства с областной властью – важнейший элемент выстраивания внутренней иерархии. *«Вот твой дядюшка – большой человек. Академик, директор. А вот ему нужно было на прием к губернатору. Он туда-сюда, а никак. Чужой он здесь. А я позвонил по мобильнику и договорился. Так-то. Я же Винникова еще по комсомолу знаю. В свое время столько водочки вместе выпили, что азохен веи»* (мужчина 57 лет, предприниматель).

Обозначались и формы коммуникации, необходимые для того, чтобы быть «своим», войти в систему связей: *«Как они контактируют? Да не на работе. То есть на работе, конечно, тоже. Но это потом. Сначала в бане парятся, на охоту ходят. Так ранг и определяется. Кто с кем в бане и на охоте. Это уже как должность – “я с самим мэром в баню хожу”. Потом и на работе с ними всё решают»* (мужчина, 32 года, предприниматель).

Из этой же цитаты можно вывести и функцию «связей»: страховка своего промысла, возможность обойти «неудобные» законы, перенаправить не особенно щедрые бюджетные ручейки в «правильном» направлении. Подобные контакты с властью существуют не только на областном уровне, но пронизывают всю ткань областного сообщества: *«По закону... уж совсем жить не получается. Мы же как, ничего важного никто не нарушает. Мы не ворует, не убиваем, не насилуем. У нас даже особых алкашей не водится. А так, ну бывает, нарушишь. Если нормальный мент или знакомый, всегда же договоришься»* (мужчина, 43 года, предприниматель).

Важно отметить, что связи отнюдь не однонаправленные: население столь же сильно воздействует на вышестоящие структуры, как и руководство на население. Правда, «власть» населения базируется отнюдь не на принципах гражданского общества и демократии, а на тех же местнических и родственных связях, обменах. В качестве механизма воздействия на

представителя власти, который «плохо себя ведет», в интервью упоминается жалоба родителям, друзьям детства: «чтобы они знали, какой их одноклассник гад». Как считают респонденты, этот способ воздействия достаточно эффективен. Но важнейшей продолжает оставаться «внешняя» функция власти: организация диалога с внешним окружением, защита сообщества от внешнего воздействия и, в идеале, получение извне неких благ для внутреннего сообщества. Подобная «двуслойная» структура отмечается далеко не только в ЕАО. По сути, функция губернатора любой территории в регионе в 1990-е гг. и состояла в создании такого «защитного слоя» [2]. Однако уровень легитимности и легальности губернаторских экономик был существенно ниже. Именно поэтому они практически мгновенно исчезли под давлением потока ресурсов из Центра в «нулевые годы». В ЕАО, чей «защитный слой» оказался намного более легитимным, при всей скромности официальных показателей экономического развития областное хозяйство с установкой на автаркию сохраняется до настоящего времени.

Сегодня эта система в очередной раз испытывается на прочность. В связи со снижением статуса регионального (областного) руководства и его возможностей по организации взаимодействия с внешним окружением, а также появлении во главе области «варягов» защитный слой вновь начинает размываться. От того, удастся ли заново выстроить коммуникацию (договориться) населению и «пришлому» начальству, а самому начальству найти возможность организовать диалог с внешним окружением, зависит сохранение уникального синтеза в ЕАО.

Литература

1. Бляхер А.Е. Бляхер М.А. Зомия на Амуре, или государственный порядок против порядка вне государства // Полития. – 2018. – № 1. – С. 148–171.
2. Бляхер А.Е. Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток. – М.: Европа, 2014. – 208 с.
3. Бренер И.С. И.И. Либерберг: первые шаги Биробиджанского проекта // III Раддевские чтения: время, события, люди. – Биробиджан, 2010. – С. 24–31.
4. Бренер И.С. Неизвестный профессор Б.А. Брук // Региональные проблемы. – 2005. – № 6–7. – С. 206–207.
5. Бугаенко Е. На берегу Амура: к 50-летию образования Еврейской автономной области. – Москва: Новости, 1984. – 70 с.
6. Вайсерман Д.И. Биробиджан: мечты и трагедия: история Еврейской автономной области в судьбах и документах. – Хабаровск: РИОТИП, 1999. – 512 с.
7. Вахидов Р.Р. Этносословия в советском обществе // Отечественные записки. – 2012. – № 1 (46). – С. 86–99.
8. Владыкина Э.М. Национальное образование евреев Дальнего Востока: история и современность // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2006. – № 7. – С. 58–60.

9. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=69 (дата обращения: 17.10.2018).
10. *Галант И.* Черта еврейской оседлости. – М.: Типолитография Рус. т-ва печ. и изд. дела, 1915. – 28 с.
11. *Галлямова Л.И.* Дальний Восток СССР в годы нэпа: тенденции и особенности современной историографии // Россия и АТР. – 2012. – № 3. – С. 55–71.
12. *Гессен Ю.* Евреи в России: очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев. – СПб.: Типолитография А.Г. Розена, 1906. – 471 с.
13. *Диманштейн С.М.* Еврейская автономная область – детище Октябрьской революции. – 2-е изд., перераб. – М.: Дер Эмес, 1936. – 42 с.
14. *Друянов М.Б.* Еврейская автономная область: (Биробиджан). – М.: Дер Эмес, 1934. – 48 с.
15. *Дубинина Н.И.* Приамурский генерал-губернатор Н.А. Гондатти. – Хабаровск: Приамурское географическое о-во, 1997. – 208 с.
16. *Езунов П.П.* Очерки истории Дальневосточной республики. – Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1972. – 115 с.
17. *Иконникова Т.Я.* Приамурцы на фронтах Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // История и культура Приамурья. – 2008. – № 2 (4). – С. 76–85.
18. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). – М.: Наука, 1991. – 469 с.
19. *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. – М.: Международные отношения, 2003. – 784 с.
20. *Кулинич Н.Г.* О социальной мобильности дальневосточных городов (1920–1930-е гг.) // Россия и АТР. – 2006. – № 4. – С. 24–31.
21. *Мережин А.Н.* Вопросы земельного устройства трудящихся евреев. – М.: Комзет, 1927. – 49 с.
22. *Мережин А.Н.* Что такое Биробиджан. – М.: ЦП ОЗЕТ, 1929. – 43 с.
23. *Новиков П.А.* Гражданская война в Восточной Сибири. – М.: Центрполиграф, 2005. – 415 с.
24. *Осипов Ю.Н.* Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России: 1855–1917 годы. – Владивосток: Изд-во Владивосток. гос. ун-та экономики и сервиса, 2012. – 182 с.
25. *Полян П.М.* География принудительных миграций в СССР: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. – М., 1998. – 37 с.
26. *Пронякин К.* Академик Евгений Примаков предложил присоединить ЕАО. Еврейскую автономную область объединят с Амурской областью, и будет Амурский край? // Московский комсомолец. – 2015. – 18 января.
27. *Романова В.В.* Власть и евреи на Дальнем Востоке России: история взаимоотношений. – Красноярск: Кларетрианум, 2001. – 292 с.
28. *Саначев П.Д.* Крестьянское восстание на Амуре – кулацкий мятеж или шаг отчаяния? // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. – 1992. – № 3–4. – С. 170–180.

29. *Смоляк В.Г.* Междоусобица: по следам нижеамурской трагедии. – Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2009. – 128 с.
30. *Сычевский Е.П.* Поземельные отношения в амурской деревне (1860–1890 гг.) // Записки Амурского областного краеведческого музея и общества краеведов. – Благовещенск: Изда-во Амур. гос. ун-та, 1992. – Вып. 7. – С. 52–59.
31. *Телушкин П.* Еврейский мир. – М.: Мосты культуры, 1995. – 624 с.
32. *Ткачева Г.А.* Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в 30–40-е гг. XX в: основные теоретические подходы // Седьмые Крушановские чтения, 2011. Тихоокеанская Россия в междивизиационном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее. – Владивосток: Дальнаука, 2013. – С. 415–423.
33. *Фоменко В.* ЕАО обречена на исчезновение как отдельный субъект РФ [Электронный ресурс] // ЕАОMedia.ru: web-сайт. – URL: <https://www.eaomedia.ru/news/493466/> (дата обращения: 18.10.2018).
34. *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1919 год: формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. – М.: Посев, 2009. – 636 с.
35. *Шишкин В.И.* «...Я все время вел примиряющую политику...». Временное Сибирское правительство в оценке его премьер-министра П.В. Вологодского // Исторический архив. – 2009. – № 6. – С. 43–112.
36. *Low A.D.* Soviet Jews and Soviet policy. – New York: Columbia University Press, 1990. – 249 p.
37. *Scott J.C.* The art of not being governed: an anarchist history of Upland Southeast Asia. – New Haven; London: Yale University Press, 2009. – 63 p.

В цикл статей, исследующих этносоциальный потенциал уникального образования – Еврейской автономной области, входят также следующие статьи, опубликованные в этом же номере «Идей и идеалов»:

Этносоциальный потенциал территории: особый случай Еврейской автономной области / С.Г. Кордонский, М.И. Чернов, О.А. Моляренко, Ю.М. Плюснин;

Чернов М.И. Еврейские общины и «еврейский фактор» в Еврейской автономной области;

Плюснин Ю.М. Территория общественного благополучия. Взаимодействие этносоциальных групп в Еврейской автономной области.

Статья поступила в редакцию 02.08.2018 г.

Статья прошла рецензирование 21.09.2018 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-4.1-172-190

WHO ARE THE “EVREYTSY” (JAR RESIDENTS), OR EXPERIENCE OF CULTURAL SYNTHESIS IN THE AMUR REGION

Bliakher Leonid,

Doctor of Sc. (Philosophy), Professor

Head of the Department of Philosophy

Pacific National University,

36, Tichookeanskaya St., Khabarovsk, 680036, Russian Federation

leonid743342@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of cultural synthesis, which emerged in the Jewish Autonomous Region. Cultures-participants in this synthesis are the cultures of the Amur peasantry and Jewish settlers of 1920s – 1930s. The first community was formed in the last decades of the XIX century in the conditions of mass migration of the peasantry to the Amur lands. Huge benefits, relative weakness of power on the eastern outskirts of the Russian Empire led to the formation of a unique community based on the principles of self-organization, distancing itself from any authority. But that community was destroyed during the Sovietization and suppression of anti-Bolshevik uprisings. As a result of the repressions and flight of peasants to China, the region turned out to be uninhabited, and the “relic” of the community participated in the synthesis, reproducing the most archaic and sustainable social and economic practices (setting for autarky, mutual support, egalitarianism, network principles of social interaction, hunting, fishing and gathering in terms of self-sufficiency). The resettlement of Jews from the former “Pale of Settlement” for Soviet power had a completely utilitarian meaning: the reduction of overpopulation in the western regions, the settlement of the “empty” Far East. There was an additional reason for the resettlement of “working Jews” – it was necessary to detach a former resident of the “Pale of Settlement” from the community based on religion. As a result, the project of creating a new Jewish culture was implemented – “national in form and socialist in content”. At the same time, the internal ties and economic practices of the new settlers were formed under the strongest influence of the local peasantry. As a result there appeared such a structure where the Jewish component was responsible for communication with the outside world, and the peasant one was responsible for the economy of the region and communication inside the community.

Keywords: cultural synthesis, economic practices, weapons of the weak, distancing, Jewish culture, peasant culture.

Bibliographic description for citation:

Bliakher L. Who are the “Evreytsy” (JAR Residents), or experience of cultural synthesis in the Amur region. *Idey i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 4, vol. 1, pp. 172–190. doi: 10.17212/2075-0862-2018-4.1-172-190.

References

1. Bliakher L.E. Bliakher M.L. *Zomiya na Amure, ili gosudarstvennyy poriyadok protiv poriyadka vne gosudarstva* [Zomiya on the Amur, or state order against the order outside of state]. *Politiya – Politeia*, 2018, no. 1, pp. 148–171.
2. Bliakher L.E. *Iskusstvo neupravlyaemoi zhizni. Dal'nii Vostok* [The art of uncontrolled life. Far East]. Moscow, Evropa Publ., 2014. 208 p.
3. Brener I.S. I.I. Liberberg: pervye shagi Birobidzhanskogo proekta [I.I. Lieberberg: the first steps of the Birobidzhan project]. *III Raddevskie chteniya: vremya, sobytiya, lyudi* [The Third Gustav Radde Readings: time, events, people]. Birobidzhan, 2010, pp. 24–31.
4. Brener I.S. Neizvestnyi professor B.L. Bruk [Unknown professor B.L. Brooke]. *Regional'nye problem – Regional Problems*, 2005, no. 6–7, pp. 206–207.
5. Bugaenko E. *Na beregu Amura: (k 50-letiyu obrazovaniya Evreiskoi avtonomnoi oblasti)* [On the coast of the Amur River (to the 50th anniversary of the formation of the Jewish Autonomous Region)]. Moscow, Novosti Publ., 1984. 70 p.
6. Vaiserman D.I. *Birobidzhan: mechty i tragediya: istoriya Evreiskoi avtonomnoi oblasti v sud'bach i dokumentakh* [Birobidzhan: dreams and tragedy: the history of the Jewish Autonomous Region in destinies and documents]. Khabarovsk, RIOTIP Publ., 1999. 512 p.
7. Vakhidov R.R. Etnososloviya v sovetском obshchestve [Ethnic estate in Soviet society]. *Otechestvennye zapiski*, 2012, no. 1 (46), pp. 86–99.
8. Vladykina E.M. Natsional'noe obrazovanie evreev Dal'nego Vostoka: istoriya i sovremennost' [National state of the Jews of the Far East: history and modernity]. *Alma-mater*, 2006, no. 7, pp. 58–60.
9. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda. Natsional'nyi sostav naseleniya po respublikam SSSR* [All-Union population census of 1939]. Natsional'nyy sostav naseleniya po respublikam SSSR. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=69 (accessed 17.10.2018).
10. Galant I. *Cherta evreiskoi osedlosti* [Boundary sedentary Jews]. Moscow, 1915. 28 p.
11. Gallyamova L.I. Dal'nii Vostok SSSR v gody nupa: tendentsii i osobennosti sovremennoi istoriografii [The Far East of the USSR in the years of NEP: trends and features of modern historiography]. *Rossiya i ATR – Russia and Pacific RIM*, 2012, no. 3, pp. 55–71.
12. Gessen Yu. *Evrei v Rossii: ocherki obshchestvennoi, pravovoi i ekonomicheskoi zhizni russkikh evreev* [Jews in Russia: essays on the public, legal and economic life of Russian Jews]. St. Petersburg, Tipo-litografiya A.G. Rozena Publ., 1906. 471 p.
13. Dimanshtein S.M. *Evreiskaya avtonomnaya oblast' – detishche Oktyabr'skoi revolyutsii* [The Jewish Autonomous Region was created by the October Revolution]. 2nd ed. Moscow, Der Emes Publ., 1936. 42 p.
14. Druyanov M.B. *Evreiskaya avtonomnaya oblast': (Birobidzhan)* [Jewish Autonomous Region. Birobidzhan]. Moscow, Der Emes Publ., 1934. 48 p.

15. Dubinina N.I. *Priamurskii general-gubernator N.L. Gondatti* [Priamursky governor-general N.L. Gondatti]. Khabarovsk, Priamurskoe geograficheskoe obshchestvo Publ., 1997. 208 p.
16. Egunov P.P. *Ocherki istorii Dal'nevostochnoi respubliki* [Essays on the history of the Far Eastern Republic]. Ulan-Ude, Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1972. 115 p.
17. Ikonnikova T.Ya. Priamurtsy na frontakh Pervoi mirovoi voiny (1914–1917 gg.) [Priamurtsy on the fronts of the First World War (1914–1917)]. *Istoriya i kul'tura Priamur'ya*, 2008, no. 2 (4), pp. 76–85.
18. *Istoriya Dal'nego Vostoka SSSR v epokhu feodalizma i kapitalizma (XVII v. – fevral' 1917 g.)* [History of the Far East of the USSR in the era of feudalism and capitalism (XVII century – February 1917)]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 469 p.
19. Kostyrchenko G.V. *Tainaya politika Stalina: vlast' i antisemitizm* [Stalin's secret policy: power and anti-Semitism]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2003. 784 p.
20. Kulinich N.G. O sotsial'noi mobil'nosti dal'nevostochnykh gorodov (1920–1930-e gg.) [On the social mobility of Far Eastern cities (1920–1930-ies)]. *Rossiya i ATR – Russia and Pacific RIM*, 2006, no. 4, pp. 24–31.
21. Merezhin A.N. *Voprosy zemel'nogo ustroistva trudyashchikhsya evreev* [Questions of the land structure of workpeople Jews]. Moscow, Komzet Publ., 1927. 49 p.
22. Merezhin A.N. *Chto takoe Birobidzhan* [What is Birobidzhan]. Moscow, TsP OZET Publ., 1929. 43 p.
23. Novikov P.A. *Grazhdanskaya voina v Vostochnoi Sibiri* [The Civil War in Eastern Siberia]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2005. 415 p.
24. Osipov Yu.N. *Krest'yane-starozhily Dal'nego Vostoka Rossii: 1855–1917 gody* [Farmers-old residents of the Far East of Russia: 1855–1917 years]. Vladivostok, Vladivostok State University of Economics and service Publ., 2012. 182 p.
25. Polyani P.M. *Geografiya prinuditel'nykh migratsii v SSSR*. Avtoref. diss. dokt. geogr. nauk [The geography of forced migrations in the USSR. Author's abstract of PhD in Geography diss.]. Moscow, 1998. 37 p.
26. Pronyakin K. Akademik Evgenii Primakov predlozhit' prisoedinit' EAO. Evreiskuyu avtonomnuyu oblast' ob'edinyat s Amurskoi oblast'yu i budet Amurskii krai? [Academician Yevgeny Primakov suggested joining the EAO. The Jewish Autonomous Region will be united with the Amur Region and the Amur Region will be?]. *Moskovskii komsomolets*, 2015, 18 January.
27. Romanova V.V. *Vlast' i evrei na Dal'nem Vostoke Rossii: istoriya vzaimootnoshenii* [Power and Jews in the Far East of Russia: the history of relationships]. Krasnoyarsk, Klaretianum Publ., 2001. 292 p.
28. Sanachev I.D. Krest'yanskoe vosstanie na Amure – kulatskii myatezh ili shag otchayaniya? [The peasant uprising on the Amur is a kulak revolt or a step of despair?]. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk – Bulletin of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences*, 1992, no. 3–4, pp. 170–180.

29. Smolyak V.G. *Mezhdousobitsa: po sledam nizhneamurskoi tragedii* [Internal strife: following the tragedy of the Lower Amur]. Khabarovsk, Khabarovskii kraevoi muzei im. N.I. Grodekova, 2009. 128 p.
30. Sychevskii E.P. Pozemel'nye otnosheniya v amurskoi derevne (1860–1890 gg.) [Land relations in the Amur village (1860–1890)]. *Zapiski Amurskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya i obshchestva kraevedov* [Notes of the Amur regional local history museum and the society of local historians]. Blagoveshchensk, Amur State University Publ., 1992, pp. 52–59.
31. Telushkin I. *Evreiskii mir* [The Jewish world]. Moscow, Mosty kul'tury Publ., 1995. 624 p.
32. Tkacheva G.A. [Defense potential of the Far East of the USSR in the 30–40-ies. XX in: the basic theoretical approaches]. *Sed'mye Krushanovskie chteniya, 2011. Tikhookeanskaya Rossiya v mezhtsilivizatsionnom i obshcherossiiskom prostranstve: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [The Seventh Krushanov's readings, 2011. Russia's Pacific in the inter-civilizational and all-russian space: past, present, future] Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2013, pp. 415–423. (In Russian).
33. Fomenko V. EAO obrechena na ischeznovenie kak otdel'nyi sub'ekt RF [EAO is doomed to disappear as a separate entity of the Russian Federation]. *EAOMedia.ru*. website. Available at: <https://www.eaomedia.ru/news/493466/> (accessed 18.10.2018).
34. Tsvetkov V.Zh. *Beloe delo v Rossii. 1919 god: formirovanie i evolyutsiya politicheskikh struktur Belogo dvizheniya v Rossii* [White movement in Russia. 1919: formation and evolution of political structures of the White Movement Russia]. Moscow, Posev Publ., 2009. 636 p.
35. Shishkin V.I. "...Ya vse vremya vel primiryayushchuyu politiku...". Vremennoe Sibirskoe pravitel'stvo v otsenke ego prem'er-ministra P.V. Vologodskogo ["... I always led a reconciling policy ...". The Provisional Siberian Government in the assessment of its Prime Minister P.V. Vologodskiy]. *Istoricheskii arkhiv – Historical Archive*, 2009, no. 6, pp. 43–112.
36. Low A.D. *Soviet Jews and Soviet policy*. New York, Columbia University Press, 1990. 249 p.
37. Scott J.C. *The art of not being governed: an anarchist history of Upland Southeast Asia*. New Haven, London, Yale University Press, 2009. 63 p.